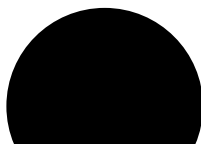

ЦЕНА УТОПИИ

Партнер проекта

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

МИХАИЛ ДАВЫДОВ

ЦЕНА УТОПИИ

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ

Новое
Литературное
Обозрение

2022

УДК 94(47+57)«1861/191»

ББК 63.3(2)53

Д13

Редактор серии Д. Споров

Давыдов, М.

Д13 Цена утопии: История российской модернизации / Михаил Давыдов. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 536 с.: ил. (Серия «Что такое Россия»).

ISBN 978-5-4448-1838-1

Почему все попытки модернизации и либерализации России за последние 160 лет заканчивались неудачей? Этот ключевой для нашей истории вопрос ставит в своей книге Михаил Давыдов. Чтобы попытаться на него ответить, автор предлагает обратиться ко второй половине XIX века — времени, когда, по его словам, Россия пыталась реализовать первую в своей истории антикапиталистическую утопию. Власть и часть общества соглашались, что в индустриальную эпоху можно быть «самобытной» великой державой, то есть влиять на судьбы мира, принципиально отвергая все, за счет чего конкуренты и противники добились процветания, и в первую очередь — общегражданский правовой строй и соответствующие права всех слоев населения. В итоге в начале XX века Российская империя была единственной мировой державой, которая обходилась без парламента и на которую не распространялось понятие правового государства. Какие социально-экономические процессы помогли сформировать эту утопию? Как Витте и Столыпину удалось модернизация страны и почему, по мнению автора, она происходила вопреки активному противодействию элит? И самое главное: как эта утопия предопределила судьбу страны на много лет вперед? Михаил Давыдов — доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Высшей школы экономики, специалист по истории России конца XIX — начала XX века.

УДК 94(47+57)«1861/191»

ББК 63.3(2)53

На обложке: Русский крестьянин пашет плугом арендованные поля. Фотография неизвестного автора, 1905 г. Библиотека Конгресса США / The Library of Congress, USA.

© М. Давыдов, 2022

© В. Тянь, иллюстрации, 2022

© Д. Черногаев, дизайн серии, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	8
Всеобщее закрепощение сословий	14
Две ипостаси дворянства	17
«Очернитель» Текутьев	34
Что такое социальный расизм?	47
Раскулачивание в крепостную эпоху	54
Реформа государственных крестьян П. Д. Киселева	59
Правосознание	70
Как зарождалось новое общественное настроение	80
Ранний социализм в России	94
Удивляться будем?	99
Приезд «ученого немца»	103
О чем звонил «Колокол»?	105
Проверка подлинности	109
Возникновение нового общественного настроения	123
Великая реформа	130
Что такое аграрная революция?	136
Как освобождали крестьян в России	140

Дискуссия об общине	146
«Бухгалтерский» подход, или Кто кого ограбил? .	149
Что не так с Великой реформой?	153
Судьба реформы: «Нет ничего более постоянного, чем временное»	166
Антикапиталистическая утопия при капитализме	172
Антикапитализм при капитализме	177
Два героя индустриализации России	189
Нелегкие пути модернизации	205
Очень странное сближение	215
Родословная нищеты	223
Что такое семантическая инфляция?	239
Малоземелье и аграрное перенаселение	245
Что не так с понятием «малоземелье»?	251
Злоключения урожайной статистики	264
Был ли «голодным» экспорт хлеба?	271
Переделы, недоимки и продовольственная помощь	276
Новое крестьянское самоуправление: человек в коллективе	283
Что не так с недоимками?	294
Община как фактор пролетаризации крестьянства	301

Крестьянский правопорядок	305
Государственный социализм	323
На путях к реформе	328
Конец Утопии	342
Чего хотела оппозиция?	350
Начало аграрной реформы Столыпина	355
Укрепление и мобилизация земли	364
Землеустройство	369
Агрономическая помощь	385
Удобрения, сельхозмашины и орудия	399
Крестьянский поземельный банк	402
Переселение в Сибирь	411
Кредитная кооперация	428
Сельскохозяйственные общества	439
Аграрный сектор России и реформа Столыпина	442
Как нам измерить Россию	448
Преодоление кризиса аграрного перенаселения	464
Возможен ли союз власти и общества?	477
Мировая война и революция	489
Заключение	504
Краткая библиография	512
Приложение	514

ОТ АВТОРА

Эта книга о бремени истории. О том, какую власть имеют над нами вековые демоны. О живучести отживших, казалось бы, идей, реализация которых уже не раз ставила нашу страну на край гибели.

Все мы — современники неудачных масштабных реформ, кто в большей, кто в меньшей степени, поэтому неудивительно, что в последние годы мы все чаще задумываемся о том, почему попытки либерализации России в течение последних 160 лет оказываются бесплодными (по крайней мере, так это представляется со стороны).

Не так давно мой коллега и друг С. В. Мироненко, касаясь этой темы, апеллировал к своим воспоминаниям о перестройке. В частности, он заметил, что чем чаще М. С. Горбачев повторял, что «перестройка необратима», тем явственнее эти слова представлялись ему «заклинанием человека, боящегося как раз обратного и убеждающего самого себя в правильности выбранного пути».

И действительно, продолжает ученый,

каждый раз, когда в истории России начиналось коренное переустройство страны, опасность возврата к прошлому оказывалась жестокой реальностью. После реформ следовал период контрреформ, либеральный курс сменялся закручиванием гаек, усилением реакции. Страна... не решалась встать на путь коренных перемен, хотя, казалось бы, осознавала их необходимость и даже неизбежность.

Посыл С. В. Мироненко осмыслить феномен своеобразной ватной стены, на которую натыкаются попытки сделать жизнь России свободнее, вполне понятен. У меня, как и у многих, есть собственный опыт приобщения к размышлениям такого рода.

Долгие годы изучения различных аспектов социально-экономической истории конца XIX — начала XX века привели меня к убеждению, что модернизация Витте — Столыпина была временем успешных реформ, превративших Россию в одну из самых динамично развивающихся стран в мире. Вместе с тем я настаиваю, что это, в сущности, была «модернизация вопреки», поскольку сопровождавшие ее преобразования значительная и влиятельная часть русского общества отвергала. Именно с 1890-х годов, когда правительство начало проводить политику, шедшую вразрез с доминирующими в общественном мнении тенденциями, Россия начала эффективно преодолевать громадное отставание от передовых стран Запада, зафиксированное в середине XIX столетия. Но пореформенный период развития Российской империи мог быть намного успешнее, если бы модернизации не сопротивлялись элиты. Природе данного противодействия и его многообразным последствиям во многом посвящена наша книга.

Эта тема куда интереснее и масштабнее, чем может показаться на первый взгляд: ее анализ позволяет увидеть ключевые проблемы нашей истории с не вполне обычного ракурса и тем самым прояснить их.

В 1985 году, закончив аспирантуру, но еще не защитив кандидатскую диссертацию на тему «Монополия и конкуренция в сахарной промышленности России начала XX века», я начал писать книгу «Оппозиция Его Величества» о генералах М.С. Воронцове, Д.В. Давыдове, А.П. Ермолове, А.А. Закревском, П.Д. Киселеве, И.В. Сабанееве. Люди необычных судеб, герои удивительного времени, они — в разной, конечно, степени — давали пример того, как человек может встать над своей судьбой, определяемой рождением и воспитанием. Я пытался выяснить их взгляды на Россию и русскую армию в 1815–1825 годах, то есть в период, вместивший и последний приступ Александра I к коренным реформам страны, и переход к реакции.

Не вдаваясь в детали, скажу, что на излете застоя в историографии была популярна мысль, что русское дворянство той эпохи как бы стояло перед выбором — либо в декабристы, либо к Аракчееву. Мне это казалось натяжкой, и я постарался показать, что все было намного сложнее. Ведь мои герои относились к числу наиболее ярких представителей большинства русского дворянства, которому были чужды как революционные «мечтания», так и аракчеевщина.

В ту пору — издержки советского истфака — мне казалось, что эта книга связана с моей диссертацией не больше, чем, к примеру, с греко-скифской археологией. Однако стоило мне со временем перейти от анализа статистики начала XX века к живым людям, чью

жизнь описывали эти цифры, как выяснилось: многое из того, что волновало моих героев в 1815–1825 годах, было вполне актуальным поводом для беспокойства и через полвека, в период Великих реформ, и почти через сто лет, в эпоху реформ П.А. Столыпина. За три четверти века — от Александра I до Русско-японской войны — очень важные, жгучие вопросы русской жизни так и не были решены, их поместили, условно говоря, в вечную социально-политическую мерзлоту, в которой многие из них существуют и сегодня.

У многих наших современников царская Россия ассоциируется с понятиями «отсталость», «незавершенные реформы», «обреченность на революцию». Я не имею в виду метафизические аспекты проблемы отсталости, породившие обширную литературу, начиная с Гершенкрона. Я говорю о нашем, если так можно выразиться, повседневном идейном обиходе, в котором эта отсталость как бы обрела отдельную самостоятельную жизнь и воспринимается как некий объективный факт мироздания, вроде строения Солнечной системы.

С одной стороны, удивляться тут нечему: Россия не относилась к числу передовых стран. Однако следует иметь в виду: на то, чтобы мы с пеленок помнили об этом, за последние сто лет были израсходованы гигантские ресурсы и методы убеждения, включающие ГУЛАГ. Ведь образ царской России как отсталой страны с незавершенными реформами и ограниченными возможностями имеет смысл только в соотношении с Россией Советской — страной

успешных реформ и неограниченных возможностей, включая практику неограниченного геноцида собственного народа.

С другой стороны, парадигма отсталости и кризиса не позволяет ответить на очень простые вопросы. Прежде всего — как она совмещается с тем, что именно после 1861 года русская культура завоевала безоговорочное мировое признание, в том числе первые Нобелевские премии в области науки? Отсталая страна может дать одно-два великих имени, но не мощный взлет культуры на протяжении десятилетий.

При всех сложностях дореволюционная индустриализация отнюдь не была, условно говоря, ни строительством вертолета на Демидовской мануфактуре XVIII века, ни разведением цитрусовых на берегу моря Лаптевых, ни даже «пятилеткой в четыре года». Самые современные заводы во второй половине XIX — начале XX века строились, как мы увидим, за год-полтора-два, и для этого не нужна была «сплошная коллективизация». Столыпинская аграрная реформа за несколько лет безусловно преобразила страну к лучшему. Оказалось, что царизм способен проводить успешные масштабные преобразования. Однако почему же тогда заводов строили недостаточно? И почему реформа Столыпина была проведена, как полагают многие, слишком поздно?

Мой ответ таков.

Я считаю, что после 1861 года Россия во многом сознательно де-факто реализовывала антикапитали-

стическую утопию, согласно которой в индустриальную эпоху, во второй половине XIX века можно быть «самобытной» великой державой, то есть влиять на судьбы мира, принципиально отвергая все то, за счет чего конкуренты добились преуспевания, и в первую очередь — общегражданский правовой строй и свободу предпринимательства. Естественным следствием этой политики стало унижительное поражение в Русско-японской войне, спровоцировавшее революцию 1905 года. И лишь с 1906 года вектор развития страны начал меняться.

Сказанное поворачивает в другой ракурс тему вечной отсталости России, и нам предстоит в этом разобраться.

Чтобы уяснить причины возникновения утопии и факторы, обеспечившие ее устойчивость во времени и популярность среди представителей разных политических течений, необходимо охарактеризовать эволюцию положения дворянства и крестьянства до 1861 года, восприятия первым второго, аграрной политики самодержавия, правосознания, а также особенности идейного развития русского общества во второй четверти XIX века, повлиявшие на конструкцию Великой реформы и ход модернизации.

В сущности, нам нужно получить развернутые ответы на два вопроса.

1. Каким образом элементарный как будто хозяйственный сюжет — как выгоднее получать с крестьян подати, посадив их на участки, передаваемые по наследству, или заставляя уравнивать землю сообразно

переменам в составе семей либо достатка, — превратился в проблему крестьянской общины, «в социальную проблему, в вопрос о судьбах России»?

2. Почему П.А. Столыпин в 1906 году считал, что «наша земельная община — гнилой анахронизм, здравствующий только благодаря искусственному, беспочвенному сентиментализму последнего полувека, наперекор здравому смыслу и важнейшим государственным потребностям»?

Мне необходимо сказать так много, а объем текста столь ограничен, что известный схематизм изложения неизбежен. Поневоле приходится жертвовать не только существенными деталями, но и некоторыми важными сюжетами. Однако те, кого интересует изучаемая проблематика, имеют возможность обратиться к работам моих коллег и моим собственным из библиографии в конце книги.

ВСЕОБЩЕЕ ЗАКРЕПОЩЕНИЕ СОСЛОВИЙ

Начать нам придется издалека, с феномена всеобщего закрепощения сословий, без осознания и учета которого понять историю России невозможно.

Крепостное право ассоциируется у нас, как правило, только с крестьянством. Тот факт, что дворянство, точнее, служилые люди по отечеству, стали крепостными государства раньше крестьян как минимум на век, а то и полтора (как считать), у большинства неисториков вызывает искреннее удивление.

Между тем термин «всеобщее закрепощение сословий» означает, что в течение нескольких столетий, в основном в XVI–XVIII веках, большинство, а при Петре I — практически *все* население России, от бояр до крестьян и холопов, от священнослужителей до посадских, было *закрепощено* государством, корпорациями (то есть общинами, либо церковной иерархией) или частными лицами. В большей или меньшей степени, в том или ином виде — но закрепощено.

Крепостное право — это комплекс юридических норм, устанавливавших и закреплявших личную зависимость человека от его господина. Диапазон этой зависимости был очень широк и соотносился с местом и временем, поэтому термин «крепостное право», покрывающий явления разного порядка, нередко вводит нас в заблуждение.

Если в Западной Европе XI–XV веков речь, как правило, идет о сравнительно мягких формах личной и поземельной зависимости, то в Центральной и особенно Восточной Европе — о том, что человек был лишен большей части личных прав, включая право владеть собственностью и совершать от своего имени гражданские сделки, был ограничен в передвижении и не имел социальной защиты. Это приближало юридический статус крепостного к статусу раба.

«Всеобщее закрепление сословий было неизбежным последствием тех условий, при которых складывалось Русское государство», — писал один из создателей этой теории историк и философ Б. Н. Чичерин.

Борьба с Ордой, создание и укрепление независимой России потребовали полной концентрации всех человеческих ресурсов в руках государства и привели к закреплению населения — сначала элит, а затем крестьянства, которое обеспечивало несение военной службы боярами и дворянством. При этом монгольское влияние предопределило отношение государя к его подданным как к холопам.

Это была тяжелая служба, которую все должны были нести для пользы отечества. Этою службой выросла и окрепла Россия, которая через это сделалась одною из самых могущественных держав в мире.

В этой суровой школе закалился русский человек, который привык всем жертвовать и все переносить с мужественною стойкостью. Но зато он потерял чувство права и свободы, без которого нет истинно человеческого достоинства, нет жизни, достойной человека, —

писал Б. Н. Чичерин.

Вместе с тем русский народ нес в себе «семена высшего развития и сознание своего человеческого призвания», а их реализация невозможна без свободы.

Пришло время, когда Россия стала настолько сильной, что закреплению изжило себя и начался обратный процесс — раскрепощения населения, увенчавшийся в 1861 году освобождением крестьян. Однако психология, порожденная «способом создания

государства», не могла вдруг бесследно исчезнуть из жизни страны.

В сущности, моя книга — в большой мере об этом.

ДВЕ ИПОСТАСИ ДВОРЯНСТВА

Чичерин писал, что в Европе благодаря феодализму у людей развивались «чувства чести, права и свободы», в то время как у нас владычество Орды, тирания Ивана Грозного, всеобщее крепостничество и его эволюция утвердили «привычку к беспрекословному повиновению».

В 1240 году, когда Батый взял Киев, Русь была свободной страной, хотя в ней, разумеется, как и в Европе, были зависимые люди. А через двести сорок лет как бы вышедшее из монгольского ига Русское государство во многом оказалось православной калькой с Золотой Орды.

Первой в зависимость от государства попала элита.

Иван III (правил в 1462–1505 годах) на глазах одного поколения русских людей — за двадцать пять лет — присоединил к Москве почти все земли Северо-Восточной Руси. Окончание удельного периода и образование единого государства стало началом самодержавия, поэтому в эпохе Ивана III — корни всей последующей русской истории.

Он стал господином, вотчинником государства, и это резко изменило модус его отношений со знатью, которая из товарищей, сподвижников великого

князя превратилась в его слуг, точнее, холопов. Они так себя и именовали, подписываясь уменьшительными именами (например, «Васюк Шуйский»).

Раньше бояре и вольные слуги имели право свободного отъезда, то есть могли переходить от одного князя к другому. Безжалостный Иван III препятствовал переезду бояр даже к своим родным братьям, а отъезд в Литву стал считаться государственной изменой.

Он создал свою социальную базу — войско из поместного дворянства, что потребовало радикального изменения отношений собственности в стране. Проблема размещения дворян была решена за счет вновь присоединяемых к Москве территорий.

На этих землях широко практиковался «вывод», то есть переселение части местной элиты во внутренние московские города. Конфискованные у них земли получали московские дворяне Ивана, за что они обязаны были нести военную службу.

Поместье, в отличие от вотчины, было условной собственностью, его нельзя было ни продавать, ни передавать по наследству, ни дарить, ни завещать в монастырь на помин души.

Создание поместной системы стало началом *огосударствления земельной собственности* в масштабах страны. Зародившись на северо-западе Руси, поместье очень быстро проникло во внутренние уезды.

Параллельно власть начала массированное наступление на права церковных и светских вотчинников, все больше стесняя их право распоряжаться

родовыми землями и сделав службу обязательной для всех землевладельцев, то есть и для бояр тоже.

Усилиями Ивана III, Василия III и Ивана Грозного к середине XVI века ни светская, ни церковная вотчина не имели правовой защиты, что практически доказала опричнина с ее конфискациями, выселениями, переселениями. Самый знатный человек мог лишиться собственности в любой момент, часто — вместе с жизнью.

Служилые люди как натуральную повинность несли *обязательную* военную службу, не вознаграждаемую никакими гражданскими привилегиями, порядок которой окончательно установило Уложение о службе 1556 года.

Служба начиналась с пятнадцати лет и была пожизненной. У тех, кто уклонялся от службы, землю отбирали и пускали в раздачу. Помещик владел помещьем, пока нес службу в армии. Если у него не было взрослого сына, который мог принять на себя обязательства отца, земля уходила в казну и перераспределялась. Правда, де-факто служебные обязанности могли перелagаться на зятьев и родственников.

Итак, служилые люди по отчеству, то есть помещики, были крепостными государства, и это постепенно привело к закрепощению значительной части крестьян, поскольку только они могли стабильно обеспечивать потребности солдат-дворян и их семей.

Важно понимать, что создание поместной системы было вызвано объективными причинами, а не было

только проявлением скверного характера Ивана III и его потомков.

Дело в том, что Россия того времени — это отрезанная от морей бедная страна с огромной территорией, редким населением и слабой торговлей, не имеющая *никаких* залежей цветных металлов и веками ввозившая их.

Власть поэтому не имела возможности платить армии полноценное жалованье, как это было на Западе. Поэтому поместье стало своего рода натуральной платой за военную службу. Однако эту специфичную зарплату требовалось еще превратить в еду, дом, одежду, вооружение и т. д.

Сделать это могли прежде всего крестьяне (хотя на Руси пахали и дворяне), однако они еще были свободными. Судебник 1497 года лишь узаконил старую норму о возможности ухода от помещиков в течение плюс-минус недели от Юрьева дня осеннего (26 ноября ст. стиля) с уплатой 1 рубля денежного сбора, так называемого пожилого. Судебник 1550 года повторил ее, увеличив пожилое до 1,5 рублей.

Забегая вперед, отмечу, что Иван III, несомненно, закрепостил бы крестьян, имея он такую возможность. Но власть смогла сделать это лишь в 1590-е годы, когда страна была обессилена безумным правлением Ивана Грозного — более чем 30-летние непрерывные войны и ужасы опричного террора привели к тому, что в науке называется «хозяйственным разорением и запустением русских земель 1570–1580-х годов».

Есть мнение, что в Средневековье степень свободы элиты косвенно позволяет судить о степени свободы простого народа. Приниженное положение русской знати всегда бросалось в глаза иностранцам. Еще посланник Священной Римской империи Сигизмунд фон Герберштейн писал, что объемом своей власти Василий III «легко превосходит всех монархов всего мира... Всех одинаково гнетет он жестоким рабством... Он применяет свою власть к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуществом всех... Они открыто заявляют, что воля государя есть воля Божья».

Рафаэль Барберини в 1565 году удивлялся тому, что царь «приказывает сечь, растянув на земле, знатнейших бояр... Нет почти ни одного не высеченного чиновника, но они не гонятся за честью и больше чувствуют побои, чем знают, что такое стыд». Это и понятно: поскольку в обществе не было уважения к правам личности, телесные наказания не имели позорящего значения, как на Западе.

Иван Грозный довел эти тенденции до невыносимых для христианской страны пределов. Опричнина и ее продолжение после 1572 года ясно показали, что никто в стране — включая царского сына — не защищен от самой жестокой смертной расправы.

Гражданская война начала XVII века (Смута) разрушила старый социальный порядок, однако после ее окончания он стал быстро возрождаться, а в 1649 году Соборное уложение закрепило крестьян и посадских людей, прикрепив их к месту

жительства (при этом кое-какие права за крестьянами оставались).

Телесные наказания, которые считались нормальным средством устранения любых непорядков, по-прежнему распространялись на все без различия чины, в том числе и на служилых людей.

Насилие было неотъемлемым компонентом ткани русской жизни. Нэнси Коллманн отмечает, что оно «буквально пронизывало Россию изученного периода... Россия была в данный период социумом с очень высоким уровнем насилия». Это, конечно, не означает, что в стране круглосуточно шли расправы.

Раболепство придворных по-прежнему поражало иностранцев, отмечавших, что даже турки «не изъявляют с более отвратительной покорностью своего принижения перед скипетром султана». До 1680 года в дворянских челобитных сохранялась фраза: «Чтобы государь пожаловал, умилился как Бог».

Если таким было положение элиты, легко представить, в какой ситуации оказалось остальное население. Понятно, что схема отношений царя со знатью автоматически репродуцировалась по нисходящей.

Так на всех уровнях самовоспроизводилось крепостное право.

Петр I, вступив на престол, унаследовал этот порядок, при котором жестокость была условием выполнения любого дела, хоть частного, хоть государственного, и усилил его до максимума.

В строительстве той России, о которой он мечтал, должны были участвовать *все* ее жители, *все*

его подданные, и именно *таким* образом, какой он считал целесообразным.

Дворянство обязано было постоянно служить и давать кадры военных и гражданских чиновников, купечество — платить и давать кадры менеджеров, желательно эффективных, духовенство — молиться за победу православного оружия и следить за оппонентами власти, а посадские и крестьяне — платить подати и поставлять солдат и рабочих для бесчисленных строек необъявленных петровских пятилеток.

Так, по неполным данным, только за 1699–1714 годы было мобилизовано свыше 330 тысяч даточных людей и рекрутов, то есть 5,92% мужчин даже относительно 5570 тысяч душ мужского пола, зафиксированных 1-й ревизией (1718–1724). Это примерно соответствует четырем с небольшим миллионам мужчин в наши дни.

Окончательно закрепостив подданных, Петр максимально ужесточил государственные требования ко всем категориям населения. В армии и на флоте теперь служили те, кто раньше не служил, а налоги платили те, кто прежде не платил. Для увеличения контингента плательщиков подушной подати и рекрутов он ликвидировал холопство (холопы несли повинности только в пользу своих господ) и маргинальное состояние вольных-гулящих людей (отпущенных на свободу холопов, слуг, пленных, всех, кто по каким-то причинам не был записан в писцовые книги, и других).

Такова была плата за Империю.